

**«НУЖНАЯ СМЕРТЬ» ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ:
К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
КОНЧИНЫ ЯРОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА ОСЕНЬЮ 1246 г.**

Л.В. Воротынцев¹, Т.Р. Галимов²

¹ *Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина
Елец, Российская Федерация
leonrus1245@mail.ru*

² *Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
galimov_t_r@mail.ru*

Цель исследования: выяснить причины и обстоятельства смерти великого князя Ярослава Всеволодовича, произошедшей в период его пребывания в ставках ханши Туракины и великого хана Гуюка.

Материалы исследования: комплекс русских летописных источников, памятники «житийной» литературы Древней Руси, «История монгалов» Плано Карпини, «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, «История завоевателя мира» Джувейни Ата-Малика, акты дипломатической переписки.

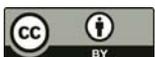
Результаты и новизна исследования: на основании критического и сравнительного анализа сообщений письменных источников, рассмотренных в контексте политической ситуации сложившейся в Монгольской империи накануне и в период проведения курултая 1246 г., авторы статьи приходят к выводу о недостоверности сообщения Плано Карпини об отравлении русского князя Ярослава Всеволодовича ханшей Туракиной. Исходя из результатов представленного исследования, проведенного с применением методологии естественнонаучных дисциплин, делается заключение о естественных причинах смерти Ярослава Всеволодовича, наступившей вследствие осложнений, вызванных острым инфекционным заболеванием в условиях отсутствия квалифицированной медицинской помощи, ослабленного иммунитета и преклонного возраста правителя Северо-Восточной Руси.

Ключевые слова: Ярослав Всеволодович, Туракина, великий хан Гуюк, Бату, «нужная смерть», средневековое мышление, образ врага

Для цитирования: Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Нужная смерть» великого князя: к вопросу о причинах и обстоятельствах кончины Ярослава Всеволодовича осенью 1246 г. // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 562–581. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.562-581 EDN: JJSQBC

Благодарности: Авторы выражают глубокую признательность уважаемым коллегам Ph.D. (история) Р. Хаутала и канд. биол. наук Д.А. Долбину за отзывчивость и оказанное содействие в работе над исследованием.

© Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

**THE “NECESSARY DEATH” OF THE GRAND DUKE:
ON THE QUESTION OF THE CAUSES AND CIRCUMSTANCES
OF THE DEATH OF YAROSLAV VSEVOLODOVICH IN THE AUTUMN OF 1246**

L.V. Vorotyntsev¹, T.R. Galimov²

¹ *Bunin Yelets State University
Yelets, Russian Federation
leonrus1245@mail.ru*

² *Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
galimov_t_r@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* The objective of this study is to determine the causes and circumstances surrounding the death of Grand Duke Yaroslav Vsevolodovich. His demise occurred during his presence at the headquarters of Turakina and in the presence of the Great Khan Guyuk.

Research materials: The research draws from a complex of Russian chronicle sources, monuments of “hagiographic” literature from Ancient Rus’, Plano Carpini’s “The History of the Mongols,” Rashid al-Din’s “The Collection of Chronicles,” Juvayni Ata-Malik’s “The History of the Conqueror of the World,” and acts of diplomatic correspondence.

Results and novelty of the study: Through a critical and comparative analysis of written sources, examined in the context of the political landscape within the Mongolian Empire leading up to and during the Kurultai of 1246, the authors of this article conclude that Plano Carpini’s account of the poisoning of Russian Prince Yaroslav Vsevolodovich by Turakina khatun is unreliable. Utilizing a methodology akin to the natural sciences, the study ultimately attributes Yaroslav Vsevolodovich’s death to natural causes, specifically complications arising from an acute toxicoinfective disease. This conclusion is drawn considering the absence of qualified medical care, weakened immunity, and the advanced age of the ruler of Northeastern Russia.

Keywords: Yaroslav Vsevolodovich, Turakina, the great Khan Guyuk, Batu, “necessary death”, medieval thinking, the image of the enemy

For citation: Vorotyntsev L.V., Galimov T.R. The “necessary death” of the Grand Duke: on the question of the causes and circumstances of the death of Yaroslav Vsevolodovich in the autumn of 1246. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 562–581. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.562-581 (In Russian)

Acknowledgments: The authors express their deep gratitude to the distinguished colleagues R. Hautala, Ph.D. (History), and D.A. Dolbin, Cand. Sci. (Biology), for their responsiveness and assistance in the work on the study.

Одним из важнейших аспектов процесса политической интеграции русских земель в государственную структуру Монгольской империи и Улуса Джучи в 40–50-х гг. XIII в. являлась практика поездок русских князей и их наследников в ставки великих ханов (каганов), регентш и глав улусов, с целью получения инвеституры (подтверждения властных полномочий и владельческих прав) посредством выдачи ярлыков на княжение. В числе первых правителей русских земель, посетивших ставки представителей «золотого рода», следует особо выделить владимирского князя Ярослава Всеволодови-

ча, занявшего княжеский «стол» Владимиро-Суздальской земли после гибели в сражении на р. Сить его брата Юрия Всеволодовича (зимой 1238 г.). Согласно сообщению Лаврентьевской летописи, уже в 1243 г. Ярослав посещает орду (ставку) правителя Улуса Джучи – Бату, где получает подтверждение своего великокняжеского статуса: «...Батыи же почти Ярослава великого честию и мужи его и опусти и рече ему «Ярославе, буди ты старей все князе в Руском языке (народе – Л. В; Т. Г.)...» [15, Стб. 470]. Через два года, в 1245 г. великий князь повторно едет в ставку главы Джучидов, и уже оттуда отправляется в земли Коренного Улуса, в орду вдовы великого хана Угэдэя – Туракины (Тэргенэ-хатун), являвшейся на тот момент времени местоблюстителем ханского престола. По всей вероятности, целью этой поездки Ярослава Всеволодовича являлось участие в предстоящем курултае и получение ярлыка от нового великого хана, выборы которого должны были состояться на общем собрании монгольской знати [15, Стб. 471; 8, с. 171–173; 25, с. 118–119]. После завершения курултая, осенью 1246 г. русские летописные источники фиксируют смерть великого князя во время его возвращения на Русь «от кановичей» [15, Стб. 471; 20, с. 139].

К настоящему времени, в исторической науке не сложилось однозначного мнения о причинах и обстоятельствах смерти Ярослава Всеволодовича в период его пребывания в ставках монгольских правителей. Большинство исследователей, рассматривавших в том или ином контексте данный вопрос в своих работах озвучивали «классическую» версию о насильственной смерти русского князя, наступившей в результате целенаправленного отравления «зелием» (ядом) [4, с. 149; 12, с. 239; 14, с. 205–206; 13, с. 268–269; 5, с. 165; 4, с. 210; 6, с. 305, 306].

Вместе с тем, в отдельных научных исследованиях представлена и иная точка зрения на вышеуказанный эпизод древнерусской истории. В частности, британский историк Дж. Феннел, склоняясь к традиционной версии отравления, тем не менее не исключал вероятность естественных причин кончины Ярослава Всеволодовича, вследствие тягот длительного путешествия, усугубленных его достаточно преклонным для той эпохи (около 55 лет), возрастом русского князя [35, с. 140]. Аналогичная точка зрения была высказана в работе современного украинского историка В. Я. Романив [28, с. 94].

По мнению авторов представляемого исследования, выяснение причин и обстоятельств смерти Ярослава Всеволодовича невозможно без внутренней критики сообщений источников в контексте анализа общеполитической ситуации, сложившейся в Монгольской империи в период «междоцарствия» (с момента кончины великого хана Угедэя (1241 г.) до избрания Гуюка (1246 г.).

Информация о пребывании Ярослава Всеволодовича в ставках Туракины и Гуюка и его смерти содержится в ряде письменных источников, включающих в себя русские летописные своды, а также путевой отчет главы дипломатической миссии папского престола – Иоанна де Плано Карпини. Следует отметить, что в вышеуказанных источниках присутствуют значительные расхождения в описании событий связанных с кончиной великого владимирского князя.

Так, в погодной записи Лаврентьевской летописи, сообщение о «преставлении» Ярослава Всеволодовича не содержит информации об отравлении или иной неестественной причине смерти правителя Залесской Руси: «...Тое же

осени Ярослав князь сын Всеволожь преставися во иноплеменницъ ида от кановичъ месяца сентября...на память святого Григория...» [15, Стб. 471].

Тогда как в южнорусском Ипатьевском своде, упоминание об «уморении» «великого князя суздальского» включено в текст «плача» галицкого летописца, эмоционально описавшего «умаление» славы и чести одного из потомков Романа Мстиславовича вследствие их номинального подчинения правителю Улуса Джучи: «...Данилове Романовичю князю бывшоу великоу, обладавшоу Роускою землею Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братом си инеми странами, ныне седить на коленоу и холопомъ называетъ и дани хотять, живота не чае и грозы приходять, о злее зла честь татарская... злобе бо ихъ и лести нет конца. Ярослава великого князя Соуждальского зелиемь оумариша Михаила князя Черниговского... ножемъ заклана быста... инии мнозии князи избъени быша и бояре...» [16, Стб. 808]. Вероятной целью перечисления не вернувшихся из ставок монгольских правителей русских князей, являлось желание придворного летописца подчеркнуть степень опасности пребывания «в татарах» галицкого князя, благополучно возвратившегося из орды Бату с ярлыком на княжение [16, Стб. 808]. Сама же информация об «уморении зелием» Ярослава Всеволодовича, вероятнее всего, была получена галицким хронистом от одного из членов папского посольства (возможно, самого Платона Карпини), возвращавшегося из поездки в ставку великого хана Гуюка через владения Даниила и Василька Романовичей.

В свою очередь, составители позднейших новгородских и московских летописных сводов, повествуя о событиях середины XIII столетия, по всей вероятности, опирались на версию обстоятельств смерти предка московских князей представленную в церковном житийном описании: «...Князю же великому Ярославу тогда сущю въ Орде у Канович, и многа пострада от безбожныхъ татар за землю Рускую: Федором Яруновичем обажен бо бысть царю, и много быв в Орде поиде от Канович и преставися во иноплеменниках **нужною смертию**...» [20, с. 139]¹.

По мнению А.Н. Насонова и А.А. Горского, летописное сообщение о «нужной смерти» Ярослава Всеволодовича следует трактовать как кончину наступившую в следствие неких преднамеренных действий насильственного характера [12, с. 239, 413; 5, с. 158]. На наш взгляд, данное утверждение исследователей представляется излишне категоричным и не вполне соответствующим этимологии слова «нужная», происходящего от старославянского термина «ноужа» («ноужда», «нужа») и имеющего многозначную трактовку – (1) принуждение (понууждение, воздействие силой), (2) нужда (лишения, муки), (3) потребность (необходимость) [30, с. 473–474; 33, с. 442–443]. В частности, в агиографическом «Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора» слово «нужа» употребляется в значении понуждения к определенным действиям: «...Начаша ихъ звати татарове **нужею**, глаголаше: «Не подобаетъ жити на земле канови и Батыеви, не поклонившеся има. Мнози бо ехаша и поклонишася канови и Батыеви» [31, с. 156]. Тогда как в сообщении

¹ В Софийской первой летописи: «...самъ себе не пощаде, и иде в Орду, въ великую пагубную землю татарскую и много пострада за землю вотчины своя, обаженъ бо бысть Федором Яруновичем царю. И многы дни претерпевъ и тое же осени месяца септября въ 30 день преставися велики князь Ярослав Всеволодичъ в Орде **нужною смертию** (18, Стб. 325–326).

Лаврентьевской летописи, описывающей события, связанных с пребыванием ростовского князя Василька Константиновича в монгольском плену зимой 1238 г., термин «нужа» имеет значение нужды и лишений: «...А Василька Константиновича ведоша с многою нужею до Шерньского леса и яко сташа стану нудиша...обычаю поганьскому быти въ их воли и воевати с ними... но никакоже не покориша ихъ беззаконью... без милости оубиенъ быс и повержену на лесе...» [15, Стб. 465]. Примечательно, что данным летописным свидетельстве присутствует четкое разделение между суровыми условиями содержания пленного русского князя («многая нужа»), и причиной его смерти («оубиенъ быс»), вызванной отказом поступить на военную службу монгольским завоевателям («но никакоже не покориша ихъ беззаконью»).

Наиболее подробным описанием событий связанных с кончиной Ярослава Всеволодовича является рассказ Плано Карпини, содержащейся в его сочинении «История монгалов», написанном по итогам поездки дипломатической миссии папского престола ко двору великого хана. Согласно версии представленной в записках высокопоставленного францисканца, смерть русского князя носила явно выраженные признаки отравления: «В то же время умер Ярослав, бывший великим князем в некой части Руссии, которая называется Суздаль. Он только что был приглашен к матери императора (Туракине-хатун – Л.В.; Т.Г.), которая, как бы в знак почета, дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все его тело удивительным образом посинело. Потому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею. И доказательством этому служит то, что мать императора, без ведома бывших там его людей, поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал ехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену...» [24, с. 77–78] Вышеприведенный отрывок является переводом на русский язык текста Лейденской рукописи (кодекса) записок Плано Карпини, произведенного А. И. Малениным по изданию французского исследователя Д. Авезака (1839 г.).

В тексте Вольфенбюттельского списка «Истории монгалов», положенного в основу новейшего русского перевода записок Плано Карпини, указывается, что болезнь «князя Суздаля» продолжалась двенадцать дней: «В это же время умер Ярослав, великий князь в некой части Руси, которая называется Суздаль. Его недавно пригласила мать императора (Туракина-хатун – Л.В.; Т.Г.), которая дала ему еду и питье своей рукой, как бы оказывая честь; и он вернулся туда, где он жил, немедленно заболел и умер через двенадцать дней, а все его тело удивительным образом посинело. Потому все полагали, что он был там и отравлен, чтобы они (монголы – Л.В.; Т.Г.) смогли беспрепятственно и полностью владеть его страной. И доводом в пользу этого является то, что она (Туракина – Л.В.; Т.Г.), в то время как его люди ничего не знали, тотчас, поспешно отправила на Русь к его сыну Александру, посольство, с тем чтобы он (Александр) прибыл к ней, так как она хочет даровать ему страну его отца; он хотел поехать, но остался [дома]. И тем временем она давала грамоты его людям, чтобы он сам приехал и получил страну своего

отца. Все, однако думали, что если он приедет, она либо убьет его, либо вечно будет держать в плену...» [23, с. 185].

В свою очередь, согласно информации представленной в Кембриджской рукописи путевого отчета папского дипломата, инициатором вызова Александра Ярославича в ханскую ставку была не Туракина, а сам «император» Гуюк: «...<imperator> misit nuntium festinanter in Ruscian ad Alexandrum filium eius ut ad ipsum, quia vellet ei terram patris donate...» («...<император> отправил на Русь к его сыну Александру посольство, с тем, чтобы он прибыл к нему, так как он хотел даровать ему страну его отца...») [39, р. 334; 40, s. 220; 43, р. 65; 23, с. 328]. В данном контексте особого внимания заслуживает сообщение Ата-Малика Джувейни о том, что к моменту смерти Ярослава Всеволодовича право выдачи ярлыков и пайцз (и соответственно вызова подвластных правителей или их наследников – *Л.В.*; *Т.Г.*), стало исключительной прерогативой новоизбранного великого хана [8, с. 176]².

В исторических исследованиях присутствуют различные трактовки сообщения Плано Карпини. Так, по мнению А.Н. Насонова, смерть Ярослава Всеволодовича могла стать следствием того, что «прибывший из Батыева удела Ярослав оказался по тем или иным соображением опасным» Туракине, которая решила избавиться от русского князя [12, с. 239]. Не представив хотя бы гипотетических вариантов того, какую угрозу могущественной местоблюстительнице престола мог представлять правитель небольшого зависимого владения, находившегося на северо-западной периферии монгольских владений, историк ограничился озвучиванием неаргументированной гипотезы.

В свою очередь, американским медиевистом Г.В. Вернадским было высказано предположение, согласно которому, вышеописанные действия Туракины по отношению к русскому князю были вызваны враждебными отношениями великого хана Гуюка (сына Туракины) и Бату, чьим «служебником» являлся Ярослав [3, с. 149]. С данной гипотезой невозможно согласиться в виду того обстоятельства, что присутствующая в источниках информация об отношениях Гуюка и его властолюбивой матери не позволяют считать ее защитницей политических интересов своего сына. По сообщению Ата-Малика Джувейни, статус вдовы Угедая как временной правительницы Уке Mongyol Ulus в период «междоцарствия» был одобрен всеми «царевичами» – Чингизидами, включая главу Улуса Джучи – Бату [8, с. 166]. Однако последовавшие в дальнейшем репрессии местоблюстительницы престола против ряда влиятельных имперских чиновников (Чинкая, Махмуда Ялавача, Масудбека), а также возвышение мусульманской фаворитки Туракины – Фатимыхатун, привели к охлаждению отношений ханши не столько с представителями «золотого рода», чьи владения располагались на значительном отдалении от земель Коренного Улуса, сколько с родными сыновьями – Кудэном и Гуюком, недовольными волонтаристскими политическими решениями матери [8, с. 166–169]. Весьма напряженные отношения Гуюка с Туракиной сохранялись на протяжении всего периода подготовки к проведению всемонгольского курултая: «И когда Гуюк-хан прибыл к матери, он совершенно не

² «После смерти каана [Угэдэя] все царевичи действовали порознь... они составляли планы управления... и издавали пайцзу. Гуюк положил этому конец... И пайцзу и ярлыки, выданные ими, были собраны и положены перед каждым из них со словами: «Прочти свою книгу...» [8, с. 176].

приступал к управлению делами государства. По прежнему Туракина-хатун осуществляла правление до тех пор, пока ханский [престол] не утвердился за ее сыном. Спустя два-три месяца Туракина-хатун скончалась...» [25, с. 117]. Согласно информации приводимой Рашид ад-Дином, сразу же после избрания Гуюка, новый великий хан предал казни ближайших сподвижников своей матери – Фатиму-хатун и Абд-ар-Рахмана и восстановил в прежнем статусе сановников, подвергшихся опале в правление Туракины [25, с. 119–120]. Основываясь на вышеприведенных фактах, можно констатировать, что властные полномочия Туракины были аннулированы после интронизации (возведения на престол) Гуюка. Будучи фактически отстраненной от какой бы то ни было политической деятельности, она доживала последние месяцы своей жизни в почетной ссылке.

Гипотетически возможное объяснение действий Туракины желанием навредить лишившему ее власти сыну посредством обострения конфликта между Гуюком и Бату также не выглядит убедительным, поскольку отношения двоюродных братьев-Чингизидов и без дополнительных провокаций матери хана были откровенно враждебными, начиная со времени их личного конфликта, произошедшего во время Западного похода [11, § 275–277]. Согласно сообщениям источников, Бату не участвовал в курултае на котором Гуюк был избран великим ханом и в отличие от остальных представителей «золотого рода» не получил «выборных даров» из государственной казны и не был привлечен к разработке новой внешнеполитической стратегии [8, с. 172, 176, 177].

Учитывая вышеприведенную аргументацию, следует крайне скептически относиться к утверждению Г.В. Вернадского о якобы имевшихся у матери «императора моалов» неких политических мотивах умерщвления ядом Ярослава Всеволодовича.

Советским историком В.Т. Пашуто была представлена гипотеза о возможно имевших место переговорах Ярослава Всеволодовича с представителями папской курии, сам факт которых мог, по мнению исследователя, послужить причиной отравления русского князя [14, с. 269]. Однако исследователь не дает объяснений, почему подобные контакты могли вызвать столь острую реакцию Туракины или Гуюка и совершенно не характерный способ наказания «провинившегося». Согласно монгольским правовым уложениям, дела об изменах подвластных правителей рассматривались на судах яргу, с вынесением оправдательного или обвинительного вердикта [41, р. 320; 1, с. 93–94; 26, с. 89]. Кроме того, следует учитывать тот факт, что на момент избрания Гуюка, Римская католическая церковь рассматривалась монгольской военно-политической элитой скорее в качестве посредника в процессе подчинения европейских государств, нежели враждебного института³. Соот-

³ Об том, в частности, свидетельствует текст письма Гуюка, отправленном в 1246 г. к римскому папе Иннокентию IV: «Силою вечного неба... то приказ, посланный великому папе, чтобы он его знал и понял... вы нам отправили просьбу о покорности, что было услышано от ваших послов. И если вы поступаете по словам вашим, то ты, который есть великий папа, приходите вместе сами к нашей особе, чтобы каждый приказ Ясы мы вас заставили выслушать... Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С того времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу Неба и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете (нашими) врагами...» [24, с. 220–221].

ветственно, возможные контакты русского князя и дипломатов римского Понтифика вряд ли могли восприниматься монгольскими правителями в качестве потенциальной угрозы. Исходя из вышеизложенной аргументации, версия о переговорах Ярослава Всеволодовича и представителей дипломатической миссии папского престола как причине отравления русского князя представляется недостаточно аргументированной и не соответствующей историческим реалиям.

Также совершенно необоснованным является тезис В.Т. Пашуто о якобы приниженном положении Ярослава Всеволодовича в период его пребывания при «дворе» великого хана Гуюка, якобы не оказавшем русскому князю «должного почета» [14, с. 268–269]. По всей вероятности, подобное представление могло сложиться у исследователя на основе сообщения Плано Карпини о церемониальных обычаях монголов в отношении правителей покоренных государств: «...мы видели, что при дворе императора никаких подобающих им почестей не оказывали ни благородному мужу Ярославу, ни сыну царя и царицы Грузии, ни множеству великих султанов, ни князю солангов, приставленные же к ним татары, хотя бы и низкого происхождения, шли впереди них и всегда занимали первые и лучшие места, а тем часто даже приходилось сидеть позади них» [23, с. 140]. Однако же в IX главе своих записок, посланник Святого Престола напротив, указывал на предоставленную папским дипломатам и «князю Руси» привилегию находится внутри ограды «золотой орды» и занимать почетные места во время торжественных мероприятий в период проведения выборов нового хана: «Было там более четырех тысяч посланников, те, которые привезли дань, и те, которые привезли дары... Их всех вместе держали за оградой и давали питье; нам же и князю Ярославу они почти всегда предоставляли более высокое место, когда мы находились снаружи вместе с ними...» [23, с. 182].

Не выглядит достаточно аргументированным и еще одно гипотетическое предположение В.Т. Пашуто о якобы имевшихся у «великоханского двора» намерениях убить Ярослава, с целью отдать ярлык на великое княжение «своему ставленнику» «в противовес Бату» [14, с. 269]. Данная гипотеза противоречит сообщению о вызове в ставку Гуюка Александра Ярославича с целью «даровать ему страну его отца» [23, с. 185]. В случае имевшихся у великого хана намерений передать ярлык на великое княжение представителю другого княжеского дома, гораздо логичнее было бы вызвать в орду «каана» именно этого претендента на получение ярлыка, а не одного из сыновей якобы «убитого» князя.

Несколько иной подход к проблеме представлен в исследовании А.А. Горского, обратившего внимание на информацию содержащуюся в Московском летописном своде конца XV в., согласно которой, причиной гибели Ярослава Всеволодовича мог стать донос-оговор («обада») некоего боярина Федора Яруновича, не упоминаемого ни в ранних русских летописях, ни в записках Плано Карпини [5, с. 165]. Основываясь на данном сообщении, историком была выдвинута оригинальная гипотеза о том, что указанный боярин, будучи сыном воеводы Яруна, служившего политическому сопернику Ярослава – Мстиславу Мстиславичу, мог быть инициатором политической интриги, обернувшейся отравлением владимирского князя [5, с. 161, 162, 165]. Вместе с тем, необходимо отметить, что даже если представленный в

Московском своде эпизод с «обажеванием» Ярослава Всеволодовича Федором Яруновичем являлся отражением реально произошедшего события (а не поздней дидактической новеллой о «неверном» боярине – «отступнике», предавшим своего господина) из вышеприведенного описания совершенно не следует вывод об отравлении русского правителя. Исходя из изложенных в тексте источника сведений, после того как Ярослав был «обажен бо бысть царю» (то есть вероятный донос был сделан в ставку великого хана – Л.В.; Т.Г.), он еще довольно продолжительное время находился в орде Гуюка («много быв в Орде»), после чего скончался «нужною смертью» в пути на Русь («поиде от Канович») [20, с. 139]. Помимо прочего, следует иметь в виду, что, как уже говорилось выше, донос на зависимого правителя влек за собой разбирательство на ханском суде, а не тайное убийство ядом.

Таким образом, все имеющиеся на данный момент времени попытки обоснования причин и обстоятельств якобы целенаправленного отравления Ярослава Всеволодовича в ставке Туракины, представляются весьма уязвимыми для аргументированной критики и противоречат политическим реалиям, сложившимся в Монгольской империи ко времени кончины владимирского князя. В связи с данным обстоятельством, представляется целесообразным рассмотреть иную версию кончины русского князя, произошедшей во время его поездки «к Кановичам».

Учитывая тот факт, что основным источником, используемым в исторических исследованиях, посвященных рассматриваемому вопросу является информация представленная в путевых записках Платона Карпини, необходимо отметить ту значительную степень фактологических несоответствий, присутствующих в некоторых главах «Истории монгалов». Данное обстоятельство может объясняться политической ангажированностью автора. Будучи не только исполнителем дипломатических поручений Апостольского престола, но и фактически являясь полномочным представителем папы Иннокентия IV на Востоке, Платон Карпини был заинтересован в такой подаче материала, которая могла бы быть использована в дальнейшем для политико-дипломатических действий католической церкви, направленных на сплочение под эгидой римского первосвященника государей «Христианского мира» перед лицом военной угрозы, исходящей от монгольских «язычников».

Так, в главе «Как они заключают с людьми мир...» Карпини описывает якобы существовавшую у монголов политическую практику умерщвления правителей подвластных государств: «Они посылают также к правителям [разных] стран, чтобы те явились к ним без промедления. А когда те приезжают, то не получают никакого должного почета... Для иных они подыскивают предлоги для их убийства, [как было выше сказано о Михаиле (Михаиле Всеволодовиче Черниговском – Л.В.; Т.Г.) и с другими]... иных они губят отравленными напитками. Ибо замышляют они, чтобы в мире властвовали только они. Поэтому они и ищут повода, чтобы убить знатных людей. У тех же, кому они позволяют возвратиться, они требуют их сыновей или братьев, которых они больше никогда не отпускают, как было проделано с сыном Ярослава, и с каким-то князем алан, и со многими другими...» [23, с. 161].

В представленном сообщении папского дипломата сразу два его утверждения не соответствуют исторической действительности и, вероятно, были включены в текст «Истории...» с целью создания негативного образа правящей

верхушки Монгольской империи как коварных и жестоких «восточных варваров», представляющих смертельную угрозу католическим государствам Европы.

В частности, утверждение Плано Карпини о якобы пожизненном плене неуказанного по имени сына Ярослава Всеволодовича [23, с. 161], опровергается сообщением Лаврентьевской летописи о благополучно завершившейся поездке княжича Константина Ярославича к «кановичам»: «В лето 6751 (1243 г.) Великий князь Ярослав поеха в татары к Батыеви а сына своего Константина посла къ Канови... «В лето 6753 (1245 г.)...князь Константинъ Ярославичъ приеха ис Татар от Кановичъ к отцю своему с честью...» [15, Стб. 470]. По всей вероятности, двухлетнее пребывание одного из сыновей Ярослава Всеволодовича в ставке Чингизидов, являлась выполнением одного из монгольских военно-политических уложений, выражавшихся в службе сыновей зависимых правителей в личной гвардии (кешик) представителей «золотого рода». Согласно сообщению династической хроники «Юань-ши», в «тургауды» («войска тур-хах»): «...брались сыновья и младшие братья всех удельных владетелей, полководцев и старших воинских начальников...» [10, с. 212]. Подобные практики были распространены на всем пространстве Рах Mongolica, включая государственную систему Улуса Джучи. В частности, источники отмечают службу при дворе ханов Золотой Орды представителей ряда русских княжеских домов – Глеба Васильковича Ростовского, Федора Ростиславовича Чермного и его внука, княжича Василия Давидовича Ярославского [27, с. 28; 19, с. 76; 29, с. 163–165], а также сына сербского короля Милутина – Стефана и наследника болгарского престола – Феодора Святослава Тертера при «дворе» Ногая [42, р. 122; 34, с. 9–31; 38, р. 288–293]. После определенного времени службы сыновья зависимых правителей возвращались домой. Согласно летописному сообщению, Константин Ярославич вернулся «к отцю своему с честью» в 1245 г., то есть незадолго до того, как сам Ярослав Всеволодович отправился в Монголию. Учитывая тот факт, что Плано Карпини находился в прямом общении с представителями окружения Ярослава Всеволодовича (и возможно с самим князем), вероятность преднамеренной ошибки в изложении событий связанных с пребыванием княжича Константина Ярославича в ставках «кановичей» практически исключена.

Последующее замечание посланника Святого Престола о том, что **«все думали»**, что после прибытия в орду «каана» Александр Ярославич будет убит, или, по крайней мере, окажется в «вечном плену» [23, с. 185], вероятнее всего являются отражением разговоров Плано Карпини с представителями свиты Ярослава. Опасения подобного рода могли возникнуть в среде сопровождавших покойного русского князя «слуг» после рассказа самого папского дипломата о встреченном им в ставке Бату не названного по имени «сына Ярослава» [23, с. 191]. Вместе с тем, необходимо отметить, что ни русские летописи, ни зарубежные источники не содержат информации о длительном «татарском плене» княжичей владимиристо-суздальского дома, кроме указанной выше двухлетней службы Константина Ярославича в ставках «кановичей».

Столь же ложным и политически ангажированным суждением является утверждение папского дипломата о якобы имевшейся у монголов политической практики, направленной на истребление правящих элит государств, признавших зависимость от империи Чингизидов [24, с. 55–56]. Не смотря на имевшиеся отдельные случаи казней правителей или высших сановников

зависимых от монголов государств, многочисленные сообщения письменных источников свидетельствуют о том, что абсолютное большинство визитов государей и претендентов на престол в ставки великих ханов или глав улусов заканчивались получением ярлыков, подтверждающих их властные полномочия и благополучным возвращением на родину. Более того, практически все зависимые государства, находившиеся на периферии Монгольской империи сохранили внутреннее самоуправление и местные династии (Корё, Дай Вьет, Чампа, владения тибетских цэнпо, Бадахшан, Луристан, «царства» грузинских Багратидов, Киликийская Армения, Иконийский султанат, большинство русских земель-княжеств, Болгарское царство, Сербское королевство).

Приведенные примеры являются свидетельствами целенаправленного искажения исторической действительности, допущенными при составлении путевого отчета представителем папского престола. Исходя из данного обстоятельства, допустимо высказать предположение, что и описанный Плано Карпини эпизод с якобы произошедшим отравлением Ярослава Всеволодовича мог иметь политически ангажированную подоплеку.

Вместе с тем, нельзя исключать и возможность прямой передачи информации, полученной высокопоставленным францисканцем от окружения умершего русского князя. Рассматривая данную версию, следует учитывать, что в сознании людей эпохи средневековья, любая внезапная или труднообъяснимая смерть могла восприниматься как воздействие внешних факторов (колдовства, отравления).

Примеры подобных представлений о смерти правителя, наступившей якобы в результате действий «изменников» имеются как в русских, так и в европейских письменных источниках. В частности, согласно сообщению Ипатьевского свода, кончина князя Юрия Долгорукого произошла в результате преднамеренного отравления на пиру у киевского боярина Петрилы: «...приехаша къ Изяславу Кияне рекуче поеди княже Киеву Гюрги ти оумерль... а не кровопролитьемъ пивъ бо Гюрги въ исменика оу Петрила въ тот день на ночь разболяся и бы болести его 5 дни и преставися Киеве Гюрги Володимиричъ князь Киевский... и много зла створися въ тот день розграбиша дворъ его красныи и другыи дворъ его за Днепром разграбиша... и Василковъ дворъ сына его разграбиша в городе избивахуть Суждальци по городомъ и по селомъ, а товар ихъ грабяче» [16, Стб. 489].

Однако в Лаврентьевской летописи, протографом которой являлся великокняжеский владимирский свод, не содержится никаких указаний на кончину суздальского князя в результате отравления: «В лето 6665 (1157)... преставися благоверныи князь Гюрги Володимеричъ в Киеве... и положиша в церкви оу спаса на Берестове...» [15, Стб. 348]. Аналогичное сообщение о естественной смерти Юрия Долгорукого имеется и в Новгородской первой летописи: «В лето 6665... преставися князь Юрьи в Киеве и посадиша Изяслава Давыдовица в Киеве на столе...» [17, с. 218].

По всей вероятности, версия южнорусского летописца базировалась на соотношении двух событий: неожиданной смерти Юрия Владимировича и последовавших за ним погромов «суждальцев», а также разграбления усадеб («дворов») покойного князя и его окружения. В сознании составителя летописи эти события приобрели непосредственную взаимосвязь, откуда и возникла версия о кончине правителя Владимиро-Суздальской земли в результа-

те преднамеренного отравления боярином Петрилой, а не в результате последствий обильных пиршественных возлияний уже не молодого (старше 60 лет) великого князя⁴.

Аналогичным образом имеются разночтения в сообщениях источников повествующих о причинах смерти последних прямых потомков галицкого князя Даниила Романовича – Андрея и Льва Юрьевичей, умерших в промежутке между 1321–1323 гг. Согласно сообщению хроники Иоганна Винтертурского «короли рутенов» были «убиты ядом», равно как и наследовавший им Юрий II Болеслав⁵. В то время как в письме польского короля Владислава Локетка папе Иоанну XXII, отправленном из Кракова 21 мая 1323 г., автор послания, сообщая адресату о смерти «князей рутенов» не упоминает об их отравлении⁶.

По справедливому замечанию М.С. Грушевского, насильственная смерть галицко-волинских князей не смогла бы остаться незамеченной их ближайшими соседями и не отразится в сообщении Владислава Локетка. Как полагал исследователь, сообщение Иоганна Винтертурского являлось ложным утверждением европейского хрониста, основанием для которого послужила экстраполяция событий более позднего времени – отравления галицкими боярами-заговорщиками Юрия II Болеслава (ум. в 1340 г.) [7, с. 120–121]. Примечательно, что отсутствие достоверных сообщений об обстоятельствах смерти братьев-князей, позволило историкам выдвигать различные гипотезы о причинах ухода из жизни правителей Галицко-Волинской земли, от отравления до гибели в войне с Золотой Ордой [37, с. 22–23; 14, с. 906].

Еще одним примером возникновения субъективных оценок причин смерти представителей высшей аристократии Руси и Орды, является эпизод связанный со скоропостижной кончиной сестры хана Узбека и жены московского князя Юрия Даниловича – Кончаки (в крещении Агафьи), попавшей в тверской плен, после разгрома московских дружин в битве под Бортеневом (1318 г.). Сведения о преднамеренном убийстве («уморении») Кончаки содержатся в Новгородской первой летописи и более поздней Симеоновской. Причем, если новгородским летописцем просто отмечается насильственный

⁴ Примечательно, что именно этим обстоятельством объясняется кончина князя Юрия в сообщении позднейшей Густынской летописи: «...И се прииде весть ко Изяславу Давидичу, яко Юрий Киевский, утешаяся со своими, упивъся без меры, и от сего пития разболелся и на пятый день умре...» [21, с. 88].

⁵ «...император тартар незадолго до этого времени назначил двух языческих королей, довольно пригодных для рутенов. После того как они в дальнейшем были убиты ядом, он дал им христианина-латинянина, чтобы посмотреть, захотят ли они его пощадить. Пока он крепко держал бразды правления в королевстве в течении многих лет, наконец, поскольку число латинян там, как и их ритуал, приумножились, что не нравилось рутенам, они отравили его настолько сильным ядом, что его тело разложилось на части...» [36, с. 732].

⁶ «По той причине мы с болью сообщаем с чрезвычайным почтением вашему святейшеству извещением настоящего, что два последних князя рутенов из народа схизматиков, которые были непосредственно для нас непреодолимым щитом против жестокого народа тартар, ушли из этого света. По причине их смерти, из-за соседства с тартарами – которые, в чем мы уверены без всяких сомнений, захватят землю рутенов, смежную с нашими пределами, из которой они имели обыкновение получать ежегодную дань, – над нами и нашими землями нависнет опасность неминуемого потрясения, если только не окажет помощь всемогущий бог и ваша милость...» [36, с. 644].

характер кончины супруги князя Юрия: «В лето 6826 [1318]... выиде на нь (Юрия Даниловича Московского и Кавгадыя – Л.В., Т.Г.) князь Михаило со Тфери и соступишася, и бысть сеча зла, много паде голов о князи Юрьи; а брата его Бориса и княгину Юрьеву яша и приведоша во Тферь, **тамо ю и смерти предаша...**» [17, с. 96–97], то в Симеоновской летописи указывается уже конкретный способ «уморения» Кончаки-Агафьи – якобы отравленной тверичами ядом («зелием»): «В лето 6825 приде изъ Орды князь великий Юрьи Даниловичь на великая княжение а съ нимъ царевь посол Кавгадыи... тое же зимы князь великий Юрьи Даниловичь приходилъ рать великою къ Тфери на Бортенева бои великъ... и поможе Бог Тферичам и князь Михаило... побиша московскую рать..., а князя Бориса яша руками и Кончазы, княгиню Юрьеву, и поведоша ихъ въ Тферь, **и тамо зелиемъ уморена бысть Кончака**, княгиня великая Юрьева, сестра царева, нареченая въ святом крешении Агафья...» [19, с. 88].

Согласно информации содержащейся в тексте «Жития» Михаила Ярославича Тверского обвинение в убийстве ханской сестры, наряду с другими обвинениями было предъявлено тверскому князю во время судебного разбирательства в ставке Узбека: «Паки... поставиша и на другомъ суде связанна блаженного Михаила изнасяще ему неправедное осужение, глаголя: «Цареву дани не дал еси, противу послабился еси, а княгиню Юрьеву повелел еси уморити». Благоверный же князь Михайло съ многими свидетельством глаголаше: «...а про княгиню Бога послуха призываше, глаголаше, яко ни на мысли ми того сътворити...» [9]. По версии составителей «Жития», инициатором обвинений являлся Кавгадый, «обадивший» (оклеветавший – Л.В.; Т.Г.) Михаила Ярославича перед «царем»: «Приеха посоль отъ царя, глаголя: «Зовет тебя царь... Обадил ты есть Ковгадый къ царю, глаголя: «Не бывати ему во Орде» [9]. Учитывая полное отсутствие мотивации и объективных причин для тайного убийства представительницы «золотого рода» со стороны тверского князя, следует признать обвинения в отравлении им «царевой сестры» следствием политической интриги, основанной на факте скоропостижной кончины молодой женщины, находившейся в плену у политического противника ее мужа. Последующее появление в некоторых новгородских и московских летописях сообщений об убийстве (отравлении) Кончаки в Твери могло являться своеобразным отголоском конфликтных отношений Москвы и Новгорода с тверским княжеским домом.

Такими же обстоятельствами субъективного характера может объясняться и появление версии об отравлении Ярослава Всеволодовича во время его пребывания «в татарах». По достаточно обоснованному мнению А.А. Горского, информаторами Плано Карпини могли выступать люди из числа сопровождавших князя Ярослава в поездке «к кановичам», а также русские невольники, длительное время проживавшие в ставках (ордах) монгольских правителей.

Согласно гипотезе исследователя, в среде политических элит русских княжеств, на протяжении всего периода политической зависимости, сохранялось опасение о возможности введения монголами прямого управления землями Руси [5, с. 165–168]. Возможно именно данное обстоятельство в значительной степени влияло на характер оценок причины смерти суздальского князя со стороны его окружения. В тоже время следует отметить, что в сообщениях источников не сохранилось свидетельств того, что опасения спод-

вижников Ярослава Всеволодовича базировались на реальных планах тогдашнего высшего руководства Уке Mongyol Ulus или Улуса Джучи.

Таким образом, трактовка причин неожиданной кончины Ярослава Всеволодовича как следствия преднамеренного отравления могла определяться субъективными представлениями как самого Плано Карпини, так и окружения русского князя о намерениях монгольских правящих кругов в отношении русских земель и лично правителя Владимиро-Суздальской земли. Кроме того, к подобной оценке произошедшего могли привести ряд факторов связанных с причинами состояния организма князя Ярослава в период болезни, а также физиологические изменения, произошедшие с его телом после смерти.

В частности, согласно свидетельству папского дипломата, после семи или двенадцати дней тяжелой болезни, начавшейся после посещения русским князем ханши Туракины, Ярослав Всеволодович скончался и «тело его удивительным образом посинело» или «стало синева-серым» [23, 185; 43, р. 65]. Рассматривая данное сообщение, необходимо принимать во внимание, что организм немолодого князя к тому времени был крайне ослаблен изнурительным многомесячным путешествием и пребыванием в климатических условиях резко отличавшихся от климата Среднерусской равнины. О тяжелых условиях поездок через обширные пустынные и полупустынные районы Центральной Азии свидетельствует информация представленная в записках Плано Карпини, отмечавшего, что «многие из людей князя Руси Ярослава, которые ехали к нему, по земле татар», не смогли перенести тягот пути через «землю кангитов» в которой отмечался «большой недостаток воды во многих местах» и погибли в пути [23, с. 179].

Примечательно, что сын Ярослава Всеволодовича – Александр Ярославич (Невский), будучи на момент смерти в гораздо более молодом возрасте (42 года) чем его отец, скончался от неизвестной болезни возвращаясь на Русь после почти годичного пребывания в ставке Берке в ноябре 1263 г.: «...князь великий Александръ възратися из Орды от царя, и доиде Новагорода Нижняго, и ту пребывъ мало здрав, и дощед Городца, разболеся... И так Богови духъ свой предасть с миромъ месяца ноября въ 14 день, на память святого апостола Филипа...» [21]. Однако поскольку болезнь великого князя началась уже в период его пребывания на русских землях, в житийной биографии великого князя отсутствуют обвинения иноверцев в «уморении зельем» правителя Северо-Восточной Руси.

Исходя из вышеуказанных обстоятельств, представляется вполне вероятным, что и смерть Ярослава Всеволодовича была вызвана причинами, носившими естественный характер. В частности, симптомы развития болезни русского князя, описанные в записках Плано Карпини соответствуют симптоматике последствий тяжелого пищевого отравления, развивающегося после употребления пищи содержащей ядовитые продукты жизнедеятельности (токсины) болезнетворных микроорганизмов *Staphylococcus aureus* (Стафилакок золотистый), либо бактерии *Salmonella* (Сальмонелла). Учитывая тот факт, что наиболее опасными с точки зрения инфицирования стафилакокковыми токсинами и Сальмонеллой являются молочные и мясные продукты (основа рациона монгольских кочевников), вариант пищевого отравления Ярослава Всеволодовича во время приема у Туракины выглядит более чем вероятным. Инкубационный период, то есть время от момента приема зараженной пищи, до появле-

ния первых признаков заболевания длится от нескольких часов до суток [32, с. 21; 2, т. 22, с. 453]. Клиническая картина при пищевых токсикоинфекциях характеризуется воспалением слизистых оболочек тонкой кишки, а также фибринозно-некротическим воспалением нисходящих отделов толстой кишки, сопровождаемой резкими, схваткообразными болями в области желудка, появлением многократной рвоты (часто с кровью), поносом, слабостью, недомоганием, ознобом, снижением артериального давления (в тяжелых случаях наблюдаются цианоз (посинение кожных покровов), лихорадка, судороги, упадок сердечной деятельности). В паталогические процессы могут вовлекаться печень, поджелудочная железа, почки и другие внутренние органы, характерны расстройства функции сердечно-сосудистой системы [2, т. 9, с. 350; т. 22, с.453]. В условиях средневекового уровня медицины (то есть практически полного отсутствия квалифицированного лечения) и ослабленного иммунитета больного, данные симптомы приводили к общему обезвоживанию и крайнему ослаблению организма, что с учетом преклонного возраста заболевшего с большой долей вероятности могло привести к летальному исходу.

Упомянутый Плано Карпини «синий» или «синева-серый» цвет тела Ярослава Всеволодовича вполне соответствует проявлениям некоторых симптомов инфекционных заболеваний, а также трупных изменений. В частности, при цианозе, возникающем при нарушении работы сердечно-сосудистой системы наблюдается посинение кожи на отдельных участках тела. После смерти больного, на теле умершего появляются трупные пятна, цвет которых может варьироваться от красного до синего или фиолетового [32, с. 26]. К поздним трупным изменениям относится появление так называемой трупной зелени, меняющей цвет кожных покровов умершего от грязно-серого до темно-земного, бурого или черного оттенков [32, с. 27]. Кроме того, следует отметить, что появление трупных пятен в теплой среде происходит гораздо быстрее чем в холодной. Учитывая, что смерть Ярослава Всеволодовича, согласно сообщениям источников, произошла в сентябре (в монгольских степях данный месяц относится к времени года с достаточно высокими температурами воздуха) процессы паталогических изменений могли начаться сразу после кончины русского князя.

Подводя итоги исследования, следует сделать вывод о том, что господствующее в исторической науке представление о насильственной смерти Ярослава Всеволодовича, наступившей в результате якобы преднамеренного отравления ядом, базируется исключительно на сообщениях двух политически ангажированных источников (записок Иоанна де Плано Карпини и Галицко-Волынской летописи) и опровергается посредством критического анализа. Учитывая общий контекст событий, связанных с пребыванием князя Ярослава в ставках монгольских правителей, наиболее обоснованной трактовкой выражения «преставился нужною смертью» следует считать определение кончины русского князя, как наступившей в результате некой тяжелой болезни, сопровождавшейся мучениями больного. На взгляд авторов статьи, такой болезнью могло стать непреднамеренное тяжелое токсикологическое отравление продуктами питания, приведшее к неожиданной для окружения и мучительной («нужной») смерти правителя Владимиро-Суздальской земли в сентябре 1246 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. М., 2005. Вып. 1. 238 с.
2. Большая медицинская энциклопедия. Под ред. академика Б.В. Петровского. Т. 9, 22. М., 1978. 986 с.
3. Вернадский Г.В. История Руси. Монголы и Русь. Тверь-М., 2000. С. 149.
4. Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., Индрик, 2004. 368 с.
5. Горский А.А. «Бесчисленные рати» и «великия труды...»: проблемы русской истории X–XV вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 409 с.
6. Горский А.А. Первые вызовы русских князей к монгольским правителям: 1242–1243 годы // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 303–313. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.303-313
7. Грушевский М.С. История Украины-Руси. Т. III. Киев: Наукова думка, 1993. 592 с.
8. Джувейни Ата-Малик. История завоевания мира. М.: Изд. Дом. Магистр-Пресс, 2004. 689 с.
9. Житие Михаила Ярославича Тверского // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН [электронный ресурс]. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4976> (дата обращения 24.06.2023).
10. Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М.: Типография Наука, 2009. 336 с.
11. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л.: Восточная литература, 1941. 619 с.
12. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 413 с.
13. Пашуто В.Г. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 333 с.
14. Пашуто В.Г. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. 280 с.
15. Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 392 с.
16. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 938 Стб.
17. ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. 316 с.
18. ПСРЛ. Т. VI. Софийская первая летопись. М., 2000. 320 с.
19. ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. 328 с.
20. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 139. 463 с.
21. ПСРЛ. Т. XXXX. Густынская летопись. СПб., 2003. 199 с.
22. Повести о житии и о храбрости благоверного и великаго князя Александра [электронный ресурс]. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4962> (дата обращения 24.06.2023).
23. Плано Карпини Иоанн де. История монголов: Текст, перевод, комментарии / под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова; подгот. лат. текста П.В. Лукина, пер. с лат. А.А. Вовина, П.В. Лукина, коммент. А.А. Горского, П.В. Лукина, С.А. Масловой, Р.Ю. Почакаева, В.В. Трепавлова; Ин-т российской истории РАН. М.: ИДВ РАН, 2022. 383 с.
24. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1956. 287 с.
25. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
26. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л., 1946. 313 с.
27. Редкие источники по истории России. Родословные книги. М.: Институт истории СССР, 1977. 186 с.

28. Романив В.Я. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 84–100.

29. Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2017. 437 с.

30. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902. 1802 Стб.

31. Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1977. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4957> (дата обращения 24.06.2023)

32. Судебная медицина / Под ред. В.И. Прозоровского. М., 1968 [электронный ресурс]. <https://bookap.info/okolopsy/sudmed/> (дата обращения 14.05.2023).

33. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 5. М.: ИРЯ РАН, 2022. 647 с.

34. Узелац А. «Кан» Ногај, краљ Милутин и српскогo-татарски сукоби // Војноисторијски гласник. 1/2009. С. 9–31.

35. Фенел Д. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 169 с.

36. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 976 с.

37. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987. 177 с.

38. Georges Pachymeres. Relations Historiques. III. Livres VII–IX. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1999. 300 p.

39. Giovanni di Pian Carпинi. Storia dei Mongol/ Edizione critica del testo latino a cura di Enrico Menesto traduzione italiana a cura di Maria Cristiana Lungarotti, note di Paolo Daffina. Spoleto: Centro Italiano di Studi Sull'alto Medioevo, 1989. 552 p.

40. Giebauf J. Die Mongolengeschichte des Johannes von Piano Carпинi. Einführung. Text, Übersetzung. Kommentar. Graz: Selbstverlag des Instituts für Geschichte der Karl-Franzens-Universität, 1995. 266 s.

41. Ibn Bibi. Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure, d'après l'abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Leiden, 1902. 320 p.

42. Zitiје krlja Milutina (1282–1321) od arhiepiskopa Danila II // Zivoti kraljeva I arhiepiskopa srpskih. London: VARIORUM REPRINTS, 1972. P. 102–161.

43. Mission to Asia. Narratives and letters of the Franciscan missionaries in Mongolia and China in the thirteenth and fourteenth centuries. Translated by a nun of Stanbrook Abbey edited and with an introduction by Christopher Dawson. New York, 1955. 281 p.

Сведения об авторах: Леонид Вячеславович Воротынцев – кандидат исторических наук, научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6139-3392>. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Тэймур Рустэмович Галимов – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3052-8063>. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Поступила 04.07.2023 Принята к публикации 01.09.2023
Опубликована 29.09.2023

REFERENCES

1. Anonymous Georgian “Chronograph” of the 14th century. Moscow, 2005. Iss. 1. 238 p. (In Russian)
2. Great Medical Encyclopedia. Ed. by academician B.V. Petrovsky. Vol. 9, 22. Moscow, 1978. 986 p. (In Russian)
3. Vernadsky G.V. History of Russia. Mongols and Rus. Tver-Moscow, 2000. 149 p. (In Russian)
4. Gorsky A.A. Rus. From the Slavic settlement to the Moscow Kingdom. Moscow: Indrik, 2004. 368 p. (In Russian)
5. Gorsky A.A. “Countless armies” and “great deeds ...”: problems of Russian history of the 10th–15th centuries. St. Petersburg: Publishing house of Oleg Abyshko, 2018. 409 p. (In Russian)
6. Gorsky A.A. The first challenges of the Russian princes to the Mongol rulers: 1242–1243 years. *Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 2, pp. 303–313. DOI: /10.22378/2313-6197.2022-10-2.303-313 (In Russian)
7. Hrushevsky M.S. History of Ukraine-Russia. Vol. III. Kyiv: Naukova dumka, 1993. 592 p. (In Ukrainian)
8. Juveini Ata-Malik. The history of the conquest of the world. Moscow: Publishing House Magister-Press, 2004. 689 p. (In Russian)
9. The Life of Mikhail Yaroslavich Tversky [electronic resource] <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4976> (accessed 24.06.2023) (In Old Russian)
10. The Golden Horde in sources. Vol. 3. Chinese and Mongolian sources. Moscow: Printing House Science, 2009. 336 p. (In Russian)
11. Kozin S.A. The secret legend. Moscow-Leningrad: Oriental Literature Publisher, 1941. 619 p. (In Russian)
12. Nasonov A.N. “Russian land” and the formation of the territory of the ancient Russian state: historical and geographical research. Mongols and Rus’. The History of Tatar politics in Russia. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2002. 413 p. (In Russian)
13. Pashuto V.G. Essays on the history of Galician-Volyn Rus. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. 333 p. (In Russian)
14. Pashuto V.G. The heroic struggle of the Russian people for independence. 13th century. Moscow: Moscow State Publishing House of Political literature, 1956. 280 p. (In Russian)
15. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. I. Lavrentievskaya chronicle. Leningrad, 1926–1928. 392 p. (In Old Russian)
16. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. II. The Ipatiev Chronicle. St. Petersburg, 1908. 938 Stb. (In Old Russian)
17. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. III. Novgorod first chronicle of the elder and younger izvodov. Moscow, 1950. 316 p. (In Old Russian)
18. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. VI. Sofia first chronicle. Moscow, 2000. 320 p. (In Old Russian)
19. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XVIII. Simeonovskaya chronicle. Moscow, 2007. 328 p. (In Old Russian)
20. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXV. Moscow Chronicle of the end of the XV century. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. 463 p. (In Russian)
21. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXV. Gustynskaya chronicle. St. Petersburg, 2003. 199 p. (In Russian)

22. The story of the life and bravery of the blessed and great Prince Alexander [electronic resource]. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962> (accessed 24.06.2023) (In Old Russian)

23. Plano Carpini Ioahn de. History of the Mongols: Text, translation, comments / edited by A.A. Gorsky, V.V. Trepavlov; podgot. lat text of P. V. Lukin, trans. from lat. A.A. Volin, P. V. Lukin, comment. A.A. Gorsky, V.P. Lukin, S.A. Maslova, R.Yu. Pochekaev, V.V. Trepvlov; Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Instiute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, 2022. 383 p. (In Russian)

24. Journey to the Eastern countries of Plano Carpini and Rubruk. Moscow, 1956. 287 p. (In Russian)

25. Rashid al-Din. Collection of chronicles. Vol. II. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 248 p. (In Russian)

26. Rashid al-Din. Collection of chronicles. Vol. III. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1946. 313 p. (In Russian)

27. Rare sources on the history of Russia. Pedigree books. Institute of History of the USSR. Moscow, 1977. 186 p. (In Old Russian)

28. Romaniv V.Ya. Batu Khan and the “central Mongolian government”: from confrontation to co-government. *Turkological zbornik. The Golden Horde and its legacy*. Moscow, 2002, pp. 84–100. (In Russian)

29. Seleznev Yu.V. Paintings of the Horde yoke. Voronezh: Voronezh State University Publ., 2017. 437 p. (In Russian)

30. Sreznevsky I.I. Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. Vol. II. Publication of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1902. 1802 Stb. (In Russian)

31. The legend of the murder in the Horde of Prince Mikhail of Chernigov and his boyar Fedor. *Library of Literature of Ancient Russia*. Vol. 5. St. Petersburg, 1977. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4957> (accessed 24.06.2023) (In Old Russian)

32. Forensic medicine. Edited by V.I. Prozorovsky. Moscow, 1968. [electronic resource]. <https://bookap.info/okolopsy/sudmed/> (accessed 14.05.2023) (In Russian)

33. Dictionry of Old Russian language (of the 11th–14th centuries): in 10 vol. Vol. 5. Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, 2022. 647 p. (In Russian)

34. Uzelac A. “Kan” Nogaj, kral Milutin and srpski-tatarski sukobi. *Vojnohistorijski glasnik*. 1/2009, pp. 9–31. (In Serbian)

35. Fennel D. The Crisis of medieval Russia. 1200–1304. Moscow: Progress, 1989. 296 p. (In Russian)

36. Hautala R. In the lands of “Northern Tartary”: Information from Latin sources about the Golden Horde during the reign of Khan Uzbek (1313–1341). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 976 p. (In Russian)

37. Shabuldo F.M. Lands of South-Western Russia as part of The Grand Duchy of Lithuania. Kyiv: Naukova dumka, 1987. 177 p. (In Russian)

38. Georges Pahchymeres. Relations Historiques. III. Livres VII–IX. Paris: Institut Français d’Études Byzantines, 1999. 300 p. (In French)

39. Giovanni di Pian Carpini. Storia dei Mongol/ Edizione critica del testo latino a cura di Enrico Menesto traduzione italiana a cura di Maria Cristiana Lungarotti, note di Paolo Daffina. Spoleto: Centro Italiano di Studi Sull’alto Medioevo, 1989. 552 p. (In Italian)

40. Giebauf J. Die Mongolengeschichte des Johannes von Piano Carpini. Einführung. Text, Übersrtzung. Kommentar. Graz: Selbstverlag des Instituts fur Geschichte der Karl-Franzens-Universitat, 1995. 266 s. (In German)

41. Ibn Bibi. Histoire des Seldjoucides d’Asie Mineure, d’après l’abrégé du Seldjouknameh d’Ibn-Bibi. Leiden, 1902. 320 p. (In French)

42. Zitiye krlja Milutina (1282–1321) od arhiepiskopa Danila II. Zivoti kraljeva I arhiepiskopa srpskih. London: VARIORUM REPRINTS, 1972. P. 102–161 (In Serbian)

43. Mission to Asia. Narratives and letters of the Franciscan missionaries in Mongolia and China in the thitteenth and fourteenth centuries. Translated by a nun of Stanbrook Abbey edited and with an introduction by Christopher Dawson. New York, 1955. 281 p.

About the authors: Leonid V. Vorotyntsev – Cand. Sci. (History), Research Fellow of Bunin Yelets State University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6139-3392>. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Teymur R. Galimov – Cand. Sci. (History), Assistant of the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3052-8063>. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

*Received July 4, 2023 Accepted for publication September 1, 2023
Published September 29, 2023*